

1. Проблема бытия и мышления в философии Платона: умопостигаемое и чувственно-воспринимаемое.

Одна из линий ранней греческой философии была связана в основном с разработкой учения о соотношении бытия и мышления. Вариантов точек «пересечения» бытия и мышления, как и воззрений, отрицающих данную взаимосвязь, было много (Пифагор усматривал такое совпадение в числе, Гераклит – в слове и т. д.). Наиболее обстоятельным из них было учение о бытии Парменида. Влияние Парменида на последующую философию оказалось столь значительным, что это дало основание Гегелю охарактеризовать его творчество как начало философии в собственном смысле этого слова.

Мышление и бытие, по Пармениду, совпадают, поэтому «мышление и бытие – одно и то же» или «одно и то же мысль о предмете и предмет мысли».

Сократ переводит проблему бытия и мышления в плоскость осмысления сущности морали, полагая, что философы не должны заниматься исследованием явлений природы. Он считает, что истина и добро совпадают. Поэтому если мы нечто познаем и в результате получаем о нем истинное знание, то при этом необходимо преобразуются и наши человеческие качества. Иными словами, человек становится качественно иным. Если мы познаем истину о добре, благе, справедливости, то тем самым становимся справедливыми, добрыми и добропорядочными.

В философии Платона бытие предстает перед нами в виде двух различных, но определенным образом взаимосвязанных миров. Первый мир – это мир единичных предметов, воспринимаемых и познающихся человеком с помощью чувств. Однако все богатство бытия не сводится к нему. Есть еще второй мир – мир подлинного бытия, представляющий собой совокупность идей, или сущностей, воплощением которых является все многообразие мира. Процесс познания, по Платону, – это процесс интеллектуального восхождения к истинно сущим видам бытия, совпадающим с идеями различных уровней.

Платоновские идеи – это не просто субстанциализированные и неподвижные родовые понятия, противостоящие текучей чувственной действительности. Идея вещи – это ее своеобразный идеальный принцип строения, познав который можно сконструировать и саму вещь. Истинное бытие у Платона, как и у Парменида, совпадает с истинным знанием. Но у него оно представляет собой процесс непрерывного созидания мира.

Платон обосновывает необходимость метафизики как беспредпосылочного знания. Анализируя особенности математики, он приходит к выводу о недостаточности метода дедукции, на который она опирается даже внутри себя самой. Оказывается, что исходные пункты математики, из которых далее дедуктивно разворачивается обоснование, сами недостаточно обоснованы или вообще не могут быть обоснованы: в фундаменте точного знания нет обоснованных начал, а значит, это во многом лишь гипотезы, которые могут оказаться и недостоверными. Платон даже сомневается, стоит ли считать

математику наукой. Должна существовать, полагает он, особая дисциплина, которая может устанавливать истинность предпосылок, опираясь на знания, находящиеся за пределами дедуктивных методов рассуждения, в более широком современном смысле – за пределами наук. Этому соответствуют и различные познавательные способности. В основе математики, по Платону, лежит способность рассуждать – рассудок, а в основе метафизики – диалектический разум как дар постижения первоначал. Следовательно, философия как дисциплина и диалектика как метод выступают фундаментом, который предшествует любому знанию.

Аристотель, размышляя с Платоном приходит к выводу, что в основе беспредпосылочного знания о всеобщем и сущности должна находиться некая абсолютная предпосылка, абсолютная истина, в противном случае любое философствование может оказаться ложным.

Аристотель считает, что Парменид трактует бытие слишком однозначно, а это понятие может иметь несколько смыслов, как, впрочем, и любое понятие. Бытие, с одной стороны, может означать то, что есть, т. е. множество существующих вещей, а с другой стороны, – то, чему все причастно, т. е. существование как таковое. Ошибка Парменида, приведшая его к метафизической трактовке бытия вне становления и развития, заключалась в том, что он свел бытие лишь к бытию как таковому, т. е. к существованию в чистом виде, не заметив возможности бытия вещей. По Аристотелю, бытие многозначно. Но тогда, как оно может быть предметом строгой науки? И чтобы спасти ситуацию, Аристотель вырабатывает систему некоторых положений, с помощью которых он объясняет бытие и главным из которых выступает понятие сущности, или субстанции.

Сущность можно различить по крайней мере по трем родам: это сущности, к которым сводимы конкретные чувственные вещи (физика); сущности, к которым сводимы абстракции математики; и наконец, сущности, существующие вне чувственности и абстрактности, – это сущности божественного бытия, или сверхчувственная субстанция. Вот эти три основные части и составляют философию.